

DOI 10.23859/1994-0637-2020-4-97-11

УДК 811.161.1

© Ильина Е. Н., Загуменнов А. В., Комиссарова Т. Г., 2020

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
ORCID 0000-0002-1797-8959
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
ORCID 0000-0002-1797-8959
E-mail: filfak@list.ru

Загуменнов Александр Владимирович

Кандидат филологических наук,
Вологодский строительный колледж
(Вологда, Россия)
ORCID 0000-0002-2440-3918
E-mail: zaw1991@mail.ru

Zagumenov Alexander Vladimirovich

PhD in Philology,
Vologda Construction College
(Vologda, Russia)
ORCID 0000-0002-2440-3918
E-mail: zaw1991@mail.ru

Комиссарова Татьяна Германовна

Кандидат филологических наук,
Вологодский областной колледж искусств
(Вологда, Россия)
E-mail: tatyana.komm@gmail.com

Komissarova Tatyana Germanovna

PhD in Philology,
Vologda Regional College of Arts
(Vologda, Russia)
E-mail: tatyana.komm@gmail.com

**ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
МЕТАКОНЦЕПТА «ДЕТСТВО»
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКИХ
ГОВОРОВ)**

**PARAMETRIC MODEL OF
METACONCEPT "CHILDHOOD"
(BASED ON VOLOGDA DIALECTS)**

Аннотация. Статья характеризует «Детство» как самостоятельный и объемный компонент в региональной картине мира. Авторским коллективом разработана и представлена параметрическая модель этой части ментального мира. Обосновывается стабильность слотов во фреймовой организации отдельно представленных ситуаций (возникновение бытия; инициация; физиологическая, игровая, учебная и трудовая деятельность; смерть), что позволяет интерпретировать «Детство» не как одиночный концепт, а как метаконцепт с разветвленной структурой.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвоперсонология, метаконцепт «Детство», параметрическое моделирование, вербализация концепта, фреймово-слотовая организация

Abstract. The article characterizes "Childhood" as an independent and voluminous component in the regional picture of the world. The authors developed and presented a parametric model of the "Childhood" metaconcept. With its help, the stability of slots in the frame organization of separately presented situations is justified (the occurrence of being, initiation, physiological, game, educational and labor activity, death); this allows interpreting "Childhood" not as a single concept, but as a metaconcept with a branched structure.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic personology, metaconcept "Childhood", parametric modeling, concept verbalization, frame-slot organization

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)»).

Введение

Данная статья является значительным переосмыслением предыдущей работы¹, а потому история объекта изучения, исследующие его направления, подробно изложены там же². Отметим только, что «детство» исследовалось на диалектном материале архангельских³, брянских⁴, Коми⁵, донских⁶, орловских⁷, пермских⁸ и Среднего Приобья⁹ говорах.

В связи с ужесточением требований к публикациям со стороны сообщества «Диссернет» и РИНЦ считаем необходимым прояснить функциональную роль каждого из обозначенных авторов данной работы. Первый из них является научным руководителем переосмысливаемой теперь кандидатской диссертации, и ему принадлежат сбор материала и первые графические изображения метаконцепта «Детство». Второй автор интегрировал в уже имеющиеся черновые наброски лингвоперсоналогические идеи Г. И. Богина, перестроил изначальную логику моделирования и оказывал техническое сопровождение. Третий из указанных участников статьи также осуществлял сбор материала, выполнил первичную реконструкцию метаконцепта

¹ Комиссарова Т. Г. Детство в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – 211 с.

² Там же. – С. 12–42.

³ Коконова А. Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2011. – 26 с.

⁴ Седойкина Ю. В. Семантика наименований детей в брянских говорах // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: материалы межгосударственной научной конференции, приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде (Брянск, 05–08 июля 2010 г.) / под редакцией А. В. Антюхова. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2010. – С. 129–133.

⁵ Бунчук Т. Н. Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / под редакцией Т. Н. Бунчук. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2008. – С. 27–36.

⁶ Власкина Т. Ю. Зоокод репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в донских говорах (архисема «способный к репродукции») // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 85–91.

⁷ Костромичева М. А. Этапы становления ребенка: особенности именования в говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 1. – С. 76–78.

⁸ Зверева Ю. В. Наименования детей, образованные с помощью метафорического переноса, в пермских говорах. – URL: http://pspu.ru/upload/pages/8191/Metaforicheskiy_perenos_v_pazvaniyah_detej.pdf (дата обращения: 11.05.2020).

⁹ Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис. ... канд. филол. наук. – Томск: Позитив-НБ, 2014. – 164 с.

«Детство» сквозь призму вологодских говоров, а также сделал выводы и обобщения, послужившие отправной точкой для предлагаемой теперь работы.

В статье используются традиционный для лингвистических исследований описательно-аналитический метод, моделирование фреймово-слововой структуры концепта с компонентами реконструкции языковой личности¹ в русле разработок Тверской герменевтической школы. Сбор материала осуществлялся с помощью сплошной выборки из источников речевых фрагментов, тематически и сюжетно связанных с детством, а также производился в процессе бесед с информантами по вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров» (разделы «Человек», «Природа» и др.).

Основная часть

В первую очередь считем важным представить интерпретацию теоретических установок. В статье термин «концепт» понимается *деятельностно*, как сгусток (или сгустки) культуры, которые «не только мыслятся, они переживаются»² каждым информантом по-своему. Принимая данную трактовку, мы интегрируем ее в суть подхода «Московского методологического кружка», куда входили Г. П. Щедровицкий, Г. И. Богин и В. П. Литвинов. По гипотезам последних из названных, описание предметов мышления возможно через «перевод» ментальных образований в иную – графическую, «ортогональную» (Г. П. Щедровицкий) – плоскость, где устанавливаются правила работы с тем, что включает в себя семантические и смысловые связи. Разумеется, в отечественной когнитивной лингвистике существуют сходные по описанию подходы. Например, концепт изображался в виде облака³, в виде окружности со своими «слоями»⁴ (или как пересечение окружностей⁵), а также в форме конуса⁶. Существуют и «словесные» типы моделей⁷. С одной стороны, М. С. Берендеева безусловно права, когда утверждает, что «один и тот же концепт, в зависимости от дискурса, в котором он объективируется, может быть частью разных картин мира, при этом структура его определяется разными факторами, поэтому не может быть

¹ Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет: в 2 т. – Тверь: Тверской государственный университет, 2009. – Т. 1. – 254 с.

² Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – Москва: Академический проект, 2004. – С. 43.

³ Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка. Серия «Концептуальные исследования» / под редакцией М. В. Пименовой. – Кемерово: Графика, 2003. – Вып. 2. – С. 6–17.

⁴ Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 216–217.

⁵ Гирнык А. В. Синергетическая модель концепта «жизнь»: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: [б. и.], 2011. – 19 с.

⁶ Берендеева М. С. Структурные особенности религиозной концептосферы: на материале концептов *жертвоприношение*, *молитва* и *подвиг*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск: [б. и.], 2015. – 26 с.

⁷ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: ГНОЗИС, 2004. – 390 с.; Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград: [б. и.], 2004. – 39 с.

полностью тождественной»¹. За исследователем остается право свободы выбора моделирования при жесткой аксиоматике самой модели. С другой стороны, если взят только диалектный материал определенной местности, то разница в картине мира минимальна, а структура ментального образования, связанная с детством, становится не столь подвижной из-за отсутствия «примесей» сторонних дискурсов. Впрочем, все вышесказанное не исключает «наслоений» иного порядка.

Взрослый информант, рассказывая о своем детстве, не транспонирует впечатления непосредственно из прошлого с той же самой качественной характеристикой в момент проговаривания, в настоящее. С наибольшей полнотой это было продемонстрировано И. М. Сеченовым в труде «Элементы мысли». От «чувственных конкретных» как образов предметного мира ребенка следует переход к «абстрактам», которым требуются ресурсы «внешней символизации» – слова. Вполне очевидно, что взрослый информант обращается к памяти, однако существует ряд значимых моментов. Во-первых, детство должно начинаться, но зачатую (как началу бытия) противопоставлено отсутствие детей в силу физиологических и социальных факторов. Во-вторых, необходимо, чтобы прошли роды, однако и этот, и предыдущий этапы детства информант знает не из своего собственного опыта. Безусловно, рассматриваемый период как ступень формирования сознания (включая языковое сознание) может запечатлеться в памяти на долгие годы, в том числе и косвенно: через наблюдение вживую «со стороны», через рассказы старшего поколения и т. д. Правда, «Детство» как концепт изначально и принципиально не полон, а как метаконцепт является результатом поздней «достройки». Помимо восприятия и переживания предметного мира во время взросления в прошлом, информант на письме или в направленной беседе в настоящем осмысливает накопленный опыт (рефлексивное переживание пережитого). Именно в связи с последним детство может быть представлено как метаконцепт. Это объяснение не противоречит позициям Г. Г. Слышкина и Н. Ф. Болдырева². Г. Г. Слышкин, во-первых, также обосновывал «релевантность противопоставления концептов и метаконцептов как результатов первичной и вторичной концептуализации действительности»³. Во-вторых, согласно цитируемому автору, «метаконцепты образуются в результате осмысления продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие, как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс и др.). В метаконцептах реализуется рефлексия носителя языка по поводу знаковой деятельности, объектом и / или субъектом которой он является»⁴. Сами по себе они еще «сгустки культуры» (Ю. С. Степанов) – как и обычные концепты; часть «информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» (Е. С. Кубрякова) – как и обычные концепты, однако в свете идей фреймово-слотовой организации это ментальное образование «об-

¹ Берендеева М. С. Структурные особенности религиозной концептосферы: на материале концептов *жертвоприношение, молитва и подвиг*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск: [б. и.], 2015. – С. 3.

² Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.

³ Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград: [б. и.], 2004. – С. 2.

⁴ Там же. – С. 5.

растает» своеобразными «сгустками-дериватами», обусловленными психофизиологическим становлением человека. Каждый этап детства (зачатие, инициация, физиологическая, игровая, учебная и трудовая деятельности, даже смерть) правомерно рассматривать как осмысленную совокупность стереотипных ситуаций, где могут быть выделены действие, субъект и его характеристики, инструменты и орудия, пространственная детерминация. Все перечисленное выступает и как слоты во фреймах, когда речь идет о моделировании части метаконцепта, и как «множители» в параметрической модели, по которым допустимо судить о «воплощенности», «полноте» ментального образования в диалектном материале. Графически это можно представить в виде следующей структуры (см. рис. 1).

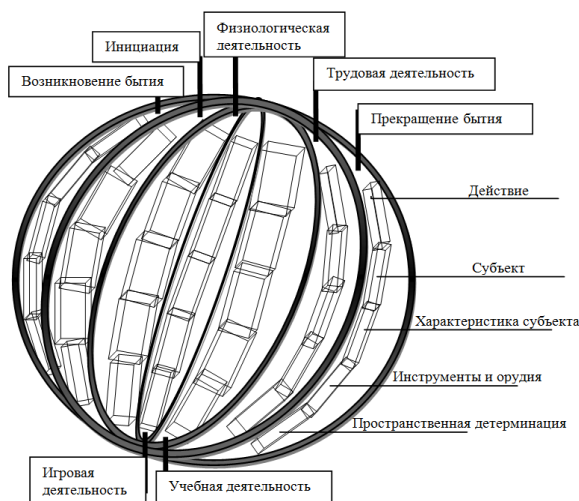

Рис. 1. Параметрическая модель метаконцепта «Детство»

Предлагаемая модель метаконцепта «Детство» позволяет осуществить реконструкцию в двух направлениях. Первое из них – «по вертикали» – восстановление каждой составляющей общего ментального образования (зачатие, инициация, физиологическая, игровая деятельности и т. д.) по отдельности. Второе направление – «по горизонтали» – демонстрация слота-множителя как внутреннего, имманентного единства «языковленного» переживания экстралингвистических ситуаций и событий. Это кардинально отличает предлагаемую нами параметрическую модель метаконцепта и от тех, что были созданы на материале других говоров, и от тех, что теоретически «надстраивались» над наблюдаемыми фактами в научной литературе, указанной выше.

В простом воспроизведении предыдущей работы¹ в рамках статьи была бы задана (по Г. П. Щедровицкому) «полная», абсолютно «реализованная» модель метаконцепта «Детство» «по вертикали». Мы же осуществим то же самое «по горизонталям». В работе их 5, т. е. столько же, сколько уровней в теории языковой личности у Г. И. Богина, однако их ситуативная насыщенность вкупе с особенностями диалект-

¹ Комиссарова Т. Г. Детство в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – 211 с.

ного материала не позволяют признать идентичность теоретических решений. Любое из направлений («по вертикали» или «по горизонтали») позволяет (в сравнении с принципиально неполными репрезентациями ментального образования в речи единичной диалектной языковой личности¹) выявить параметрические особенности частей «сгустка культуры» в языковом сознании². Ниже представлен лишь один из вариантов применения нашей разработки.

Горизонталь слота «Действие» в цепи от возникновения бытия до его прекращения выражена в языке по-разному. Все начинается с появления на свет живого ребенка³, что детерминирует возникновение глаголов с корнями *-род-* (*Родить-то нельзя, говорят, погодить. Время подошло – и рожают бабы-те, уж где пришлось* (Кир. Борб.), *-прост-* (*Семь раз опрастывалась, а ни одно дитё-то не пожило* (Межд. Кожух.)), *-кат-* (*робёнок за робёнком покати́ли*⁴). Подробно останавливаться на допустимых фазах этого слота, например, начала беременности (*«Нагулыша-то принесёшь»* (Кир. Ферап.)⁵; *Брюхатая она, в декрет скоро* (Кир. Борб.); *отяжелеть* и т. д.), мы не будем.

Появление невозможно «в никуда», это равносильно смерти в условиях общественных отношений. Новорожденный вводится в социальную иерархию, в ее законы. Подобная инициация сопровождается имянаречением и крещением. В сознании диалектоносителей фиксируется прямая связь «по горизонтали» между, казалось бы, отграниченным по нашей модели метаконцепта слотом «действие» в двух ситуациях «по вертикали»: *«Сколотеньем-то и имена небаские дают – Пут да Пахмут»* (Баб.

¹ Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Издательство Томского университета, 2002. – 312 с.

² Представленная организация модели несет в себе значительный методологический потенциал: разные языковые личности, будучи носителями единого диалекта, могут отличаться по степени полноты «усвоения» концептов, что в перспективе позволит в полевых условиях экспедиции использовать новый тип «тезаурусного картографирования», основанный на применении ортогональных схем.

Моделирование и реконструкция содержимого в «крайних точках» (Начало бытия / Прекращение бытия) обладает специфической идентичностью: возникновение-зачатие и уход из жизни являются рубежами между «бытием» и «пакибытием». В действительности смерть может наступить в любой момент детства: до и во время родов, после инициации, в деятельности (игровой, учебной и трудовой) по недосмотру взрослых.

³ Диалектный материал четко фиксирует способность родить живого ребенка как физиологическую норму. При этом в нашей выборке часто встречаются примеры характеристик отсутствия беременности по социальным и биологическим причинам, или же появление на свет мертвого ребенка: *♦ родить порчу* «родить мертвого ребенка» *«Переступила она через порог, так тут и родила. А он те! Порчу родила-то»* (Вож. Навол.) (Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006. – Вып. 9. – С. 62.).

⁴ Зубова Н. Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2017. – С. 173.

⁵ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006. – Вып. 5. – С. 33.

Козл.)¹. Начало бытия оставляет отпечаток на инициации в бытие (*А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Дак я и назвала Ольгой*) (А. А. Шаброва, 1911 г. р., Кир. Борб.; запись 1998 г.).

Менее это прослеживается на обряде крещения. Само действие обозначается глаголами с корнем *-крест-* (*крестить*, *крещать* и др.) и его вариантом *-кст-* (*кстить*): *Нина, тебя у Хаптовых, поди, крестили? И меня у Хаптовых, потом уж в церкви-то* (Кир. Борб.). Ни в одном из наших источников не фиксируется наблюдаемый на южнорусской территории обряд крещения в горшке, а также ни в одном из воспоминаний о крестинах мы не встретили сколько-нибудь развернутого описания праздничного обеда или угощений в день крещения ребенка.

Прохождение начала бытия и инициации предполагает, что новорожденный еще жив, а потому ему присущи определенные действия (*ходить*, *ползать*, *кричать*, *есть*, *пить*, *чихать* и др.) и процессуальные состояния (*лежать*, *спать*, *мёрзнуть*, *потеть* и др.): *Ребёнку-то первый месяц как принесла, свяжут да повалят – лежи в зыбке*. (Сямж. Монаст.). Кроме того, развивается и игровая деятельность (*«Была игрушка привязана – боркотушка»* (Сямж. Голуз.)². *«Дам робёночку брякотушку, дак и посидит»* (Тот. Пелев.)³). Перед нами возникает последовательная связь некоторого единства, которое только теоретически может быть разграничено на данном этапе.

Начиная с рождения, стремление познавать мир становится фактором, определяющим развитие личности, однако сравнительно позже фиксируется комплекс действий, обобщенно именующих сам процесс получения знаний (*учиться*) и конкретизирующих его (*ходить* в школу, *кончить* семь классов и проч.): *Львовна, поди, зиму в школу не хаживала, Виошка, матка неродная, её всё прести заставлела* (Кир. Борб.); *Учиться-то хотелось, а некогда, надо в колхозе работать. Семь классов как-то кончила и на ферму*. (Кир. Борб.). Лингвистический материал вновь фиксирует прямую связь слота «по горизонтали» с другими, отделенными «по вертикали».

После обучения (или вместо него) следует трудовая деятельность, обобщенно названная глаголами (*работать*, *робить*, *пазгать*, *хрястать* и др.). Некоторые из них конкретизируют виды выполняемых работ, связанных с деревенскими реалиями (*боронить*, *косить*, *пастить*, *пахать* и др.). На этом этапе при благополучном исходе человек покидал область детства и вступал во взрослую жизнь.

Тем не менее каждая из ситуаций «по вертикали» включает в себя потенциальную возможность прекращения бытия. Схематически в нашей модели это «финал», однако эмпирически смерть могла наступить в любой момент. Процессуальным ядром данной ситуации является гибель ребенка, это состояние обозначается глаголами общей семантики (*умереть*, *престаться*, *не пожить*, *кончиться* и др.), а также словами, репрезентирующими различные варианты ухода из жизни (*утонуть*, *убиться*, *задохнуться* и проч.), в том числе в результате чьего-либо недосмотра или

¹ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006. – Вып. 10. – С. 25.

² Там же. – Вып. 1. – С. 39.

³ Там же. – С. 47.

злого умысла (*залягать, избережать, уходить* и др.).¹ Единство слота «Действие» сомнений у нас не вызывает, это сквозная линия в ситуационных наслоениях.

Горизонталь слота «Субъект» в цепи от возникновения бытия до его прекращения выражена разнообразнее. Основной способ языкового выражения – через субстантивы, но их единство определяется не столько лексико-семантически, сколько некоторой ментальной составляющей, нестабильной трехчастной структурой. В нашем диалектном материале она прослеживается на протяжении практически всей горизонтали данного слота. Субъектами в «начале бытия» являются женщина (*мать, матка, роженица, родиха* и др.), родившийся младенец (*дитячко рождёное, деток, дetyши, младен, младенец, младенчик* и проч.), а также те, кто помогает женщине во время родов (*бабка, баушка пупорезная, повитуха, акушерка, дохтур, фершалица* и др.). Этот же «треугольник» переходит в «квадрат» при описании крещения. Субъекты данной ситуации – родители ребенка, биологические (*мать, матка, тятя, отец* и др.) и крестные, приобретаемые во время крещения (*божа, божка, божат, крёстный* и др.), ребенок (*хрестник, хрестница*) и совершающий обряд священник или заменяющее его лицо (*поп, батюшка, монашина, дьячок, бабушка, старшие* и др.). Повторяется «квадрат» и в рассказах информантов о физиологической деятельности. Субъектами описываемой группы ситуаций являются ребенок (*Робёночек пока маленькёй, дак чего? Лежи, матку соси, ссы в пелёнку – дак красота! А пошёл, да побежал, да сунется куды – дак ой! Гляди за ним во все-ти глазоньки!* (Межд. Тур.)), а также взрослые, которые либо относятся к родителям (*мать, отец*), либо к другим родственникам (*бабушка*), либо к людям «со стороны» (*нянька* и др.). Распад «квадрата» до «треугольника» обнаруживается при анализе игровой деятельности. Субъекты детской игры – сам ребенок в его индивидуально-ролевой или командно-ролевой функции и другие участники игры – дети и взрослые в окружении предметного мира (это не субъекты, а игровые инструменты и атрибуты): *Сколь ни закупай – топерешним-то робятam всё мало, а у нас-то раньше брякалки какииё, да свистульки, да из кудели матка куклу сошьёт, и дивья!* (Кир. Борб.). Сохраняется «треугольник» в организации слота в рассказах информантов об учебной деятельности. Субъектами этой ситуации являются ребенок, его сверстники и взрослые, осуществляющие обучающее воздействие в школе (*учитель, техничка*) или дома (*родители, родственники и соседи*). Сдвиг от трехчастной структуры к дихотомии фиксируется в трудовой деятельности, которая представляет собой – по этому признаку – переходное звено во взрослую жизнь. Субъектами здесь выступают ребенок, приобретающий трудовые навыки, а также обучающие его взрослые: *Матка прести сидет – и дочка тут, отец пресницу помене сделает, матка покажет, чего куды, и будёшь прести.* (Кир. Борб.); *Роботы было – куды бежать, дак всем хватало робить. Робята помене – дак и роботы помене, а уж годов с десяти, с двенадцати - и вовсё роботники!* (Кир. Борб.). Трудовая деятельность осуществлялась без наблюдателей, ибо они работают; без посредников, поскольку надо показать на личном примере. В

¹ Все примеры представляют собой ядро концепта, а вот периферией можно назвать обозначение близкого к ситуации гибели состояния болезни (условная статика) как отсутствия завершённого действия – либо в обобщенном названии (*заболеть, занедужеть, занемочь, захворать* и др.), либо в номинации частных проявлений нездоровья (*остаметь, охлибеть, заперениматься* и проч.).

определенной степени распад трехчастной структуры в пределах этой ситуации говорит о становлении самостоятельной личности. Позже все лакуны восстанавливаются во взрослой жизни «по аналогии» с тем, что присутствует при описании учебной деятельности (работник – коллектив – руководство).

Метаморфозы наблюдаемой имманентной сферы становятся очевидны при описании прекращения бытия. Субъектами таких ситуаций являются дети, близкие им люди (родители, медицинские работники, народные лекари, священнослужители и проч.) и некие антагонисты (реальные члены социума или сверхъестественные сущности / силы, воздействие которых приводит к прекращению бытия).

Горизонталь слота «Характеристики субъекта» в цепи от возникновения бытия до его прекращения сохраняет типологическое единство во всех ситуациях в моделировании «по вертикали» за счет того, что в феноменологической философии предполагал Э. Гуссерль, а именно «акта придания значения». В языковой плоскости это позволяет наделять предметность (субъекты) дополнительными, осмысленными характеристиками. Например, в ситуации возникновения бытия: *Брюхатая она, в декрет скоро* (Кир. Борб.) – «брюхатая» – еще не «родившая», «в декрет скоро» – еще не «ушедшая» в него. В диалектном материале используются не только лексика, но и фразеология. Даже в оборотах-эвфемизмах движение к результату (горизонталь «Действие») ограничивается включенными в их состав субстантивами: (♦ *оставить пуговицу* – «оплодотворить, сделать беременной»¹; ♦ *с кишкой* – «о беременной женщине»² и др.). Такие речевые формулы выполняют табуистическую функцию, иносказательно обозначая одно из физиологических состояний, наиболее важных для женщины (ср. также: ♦ *в куче*³; ♦ *на живые ножки*⁴ и др.). В числе характеристик субъектов укажем наблюдения, касающиеся внешнего вида и поведения беременной женщины: *Марья когда Еленку носила, дак сразу знатко – худая была, страшная. А обоих парнишков, дак и не знать, что и в положении. Говорят, девки у матери красоту забирают.* (Кир. Борб.). Причинно-следственная связь закреплена в региональном языковом сознании фактическим сопоставлением с последующим «актом придания значения» либо прогностически, проспективно, либо постфактум, ретроспективно.

В ситуации крещения среди характеристик субъектов действия приведем только указание на обязательность уважительных отношений людей, вступивших в духовное родство: *У Надюшки-то маткой крёстной Валя-медичка была, дак на праздники-то они гостились, Валя с ихней маткой-то, подарки дарили* (Кир. Борб.). Внутренняя форма наименований крестных родителей и детей выражает идею их единства, обретенного в результате совершенного по христианскому канону обряда:

¹ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006. – Вып. 8. – С. 107.

² Там же. – Вып. 3. – С. 87.

³ Там же. – Вып. 10. – С. 25.

⁴ Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / под редакцией Л. Ю. Зориной. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2017. – С. 113.

Бог – ср.: *божа, божка, божата, божатка, божат, божатко, боженька*; крест – ср.: *крёстка, хрёстная, хрёстный, хрестник, хрестница*¹.

При физиологической деятельности характеристики младенцев выражены их номинациями (*безгодок, гукало, зыбочник, пеленок, пеленичный, грудовой, родовой, родильный, сосунок, титешный* и др.). Данные обозначения в вологодских говорах репрезентируют отличительные признаки возраста ребенка до года. Названия напрямую связаны и с традицией пеленания младенца (*пеленок, пеленичный*), и укачиванием его в колыбели (*зыбочник*), и кормлением грудным молоком (*грудовой, титешник*), а также с особенностями подаваемых ребенком первых коммуникативных сигналов (*гукало*).

Во многих отношениях уникальна игровая деятельность, в ней нередко задается (вербализуется, проговаривается) определенная роль. В нашем материале встречаются ритмизованные тексты, в которых акт придания значения выражен наиболее явно.

Дождик, дождик, перестань, / Я поеду в Холистан, / Богу молиться, / Христу поклониться, / Есть у Бога сирота, / Открывает ворота / Ключиком-замочком, / Шелковым платочком; / Первый – смелый, второй – герой, третий – шапочка с дырой, четвертый – протертый, пятый – женатый, шестой – холостой, седьмой – за дверями постой (Н. П. Шабров, 1938 г. р., Кир. Борб., запись 2014 г.)². Ряд характеристик в данном примере, разумеется, носит выдуманный характер, однако по воспоминаниям информантов реконструируются и реальные поведенческие мотивы: «*В общем, все развивали ловкость, ну, и все старались, чтобы не увальни были, занимались*» (Кир. Борб.)³. Игра, как демонстрирует последний пример, тоже развитие, но и этот вывод – языковое воплощение «акта придания значения».

В отличие от игровой деятельности школьное обучение предусматривало выставление оценок, письменное и устное одобрение и порицание, а также взаимодействие с родителями ученика: «*Хорошо учились ребята, тянулись к знаниям. Двоек-то я мало ставила. Кого, если одет больно худо, да голодный, да старается, вон, как Валька Струничева была, дак пожалеешь, скажешь: «Выучи, Валя, к завтраму, я тебе пока не поставлю отметку, к завтраму выучишь – и поставлю». А на Вальке-то хозяйство, да с братовьями нянчилась, учить-то особо когда? Но, смотрю, выучила стихотворенье, рассказывает. Тамаре, матери ейной, я ни разу не пожаловалась*» (А. А. Шаброва, 1911 г. р., Кир. Борб., запись 1994 г.). Все характеристики (*Хорошо учились; тянулись к знаниям; одет больно худо, да голодный, да старается* и т. д.) даны как результат наблюдения, некоторого осмысления черт субъекта.

Учебная деятельность не являлась веской причиной для сокращения объема трудовых обязанностей (равно как и возраст): *Роботы было – куды бежать, дак всем хватало робить. Ребята помене – дак и роботы помене, а уж годов с десяти, с*

¹ При описании горизонтали слота «Субъект» мы уже получали дихотомичную структуру в ситуации трудовой деятельности, а в рассказах об инициации – «квадрат», однако текущее изложение позволяет уточнить, что крещение требует доминанты «духовной стороны» (крестный родитель – крещеный ребенок), что также можно свести к дихотомии.

² Картоотека «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета).

³ Там же.

двенадцати – и всё роботники! (Кир. Борб.). В иных случаях вологодский диалектный материал фиксировал связь характеристик субъектов с авторитетом семьи и воспитанного ею ребенка.

Конец цепи в горизонтали слота «Характеристики субъекта» в определенной степени повторяет содержание другой линии – «Начала бытия». Физическое и психическое здоровье взрослого человека, определяемое по его внешнему виду и поведению, рассматривалось как физиологическая норма: *Чего экой сдилаёццо? Нормальная девка, здоровая!* (Кир. Борб.). Отклонения от нормы могли быть ситуативными, вызванными временными недомоганиями: *Вчера убегались на ветру, дак оба сопленосые* (Кир. Борб.); *Глянь-ко, писяк вон на глазу-то скочил* (Кир. Борб.). Вместе с тем значительное число текстов описывает хронические состояния: они могли явиться следствием недоношенности (*Худо, как не доносит робёнка-то баба, редко когда выладитсё робёнок-то!* (Кир. Борб.)), врожденных или приобретенных нарушений опорно-двигательного аппарата (*Лытёй звали – на деревянной ноге ходил, хромал* (Кир. Борб.)), нарушений коммуникативных навыков (*Лявля. Что лепечёт – не понимаю* (Кир. Борб.)), умственной отсталости (*Сын-от у их растёт – половина дурака. Смалялись оне с ним: уж большой мужик, а как дитячко рождёное!* (Кир. Борб.)). Разумеется, в условиях деревенской медицины и заболевания лечились не всегда эффективно, и смерть была частым явлением: *Вон у Виошки пятёро рождалисё, а ни один не пожил робёнок-то* (Кир. Борб.). Причину смерти детей информанты комментируют скупой, без подробностей, не акцентируя вину кого-либо. В качестве причины ухода из жизни детей называют голод и лишения военного и послевоенного времени: *У Клаши-то Витька да Колька, кроме девок-то, были, дак один в голод-то и помер. Матка закрыла на сарае, что-то он наблудил, а приходит – он уж и помер* (Кир. Борб.). Между тем смерть так же, как и ситуация возникновения бытия, выражается устойчивыми оборотами-эвфемизмами: *откинуть хвост, отправиться в царствие небесное* и др. Все вышеописанное, вероятно, предстает как крайние точки «рефлекторной дуги»¹ коллектива диалектных языковых личностей, поскольку фразеология маркирует культурную значимость начала и конца жизни.

Горизонталь слота «Инструменты и орудия» в цепи от возникновения бытия до его прекращения – это объективная сфера предметности, окружающая субъекты ситуации и отделенная от них. При возникновении бытия информанты акцентируют внимание на медицинских инструментах (*щипцы, клещи, ножницы* и проч.); одежде и ткани, используемой для пеленания (*онуча, пеленка – «пеленка», родыня – «отцовская рубаша», тряпок – «лоскут ткани»* и др.); женской груди и предметах, с помощью которых кормят младенца (*сиська, титька, сосарик, роговушка* и др.). Инициация включает в себя именованья атрибутов крещения (*Дома крестили – батюшка приходил. А чего? Крест да корыто – вот и всё именё, чего ещё надо?* (Кир. Борб.)) и специальной одежды для ребенка (*Топере когда крестят робёнков-то, дак распашонки с кружавчиком больно баские покупают* (Кир. Борб.)). Разнообразнее в этом отношении физиологическая деятельность.

¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: ЛКИ; УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

В ней информанты акцентируют внимание на объектах, обеспечивающих термо-регуляцию (*пеленка, онуча, родыня, штанёшки, катаньки* и др.) и способствующих отправлению других естественных надобностей (*носовик, горшок, подгузок* и др.). Исследуемые нами тексты содержат описание приспособлений для организации сна (*Спать валили в люльку, она качеётся, дак робёнок-то и заснёт* (Кир. Борб.)) и развития моторных навыков ребенка (*Девка-то у меня иишо не ходила, дак стоит, за лавку-то дёржитсё, да за меня, да за тятку. И пошла, гляди-ко ты, и пошла!* (Кир. Борб.)). Вещи, которые легко найти или изготовить, характерны не только для физиологической, но и для игровой деятельности.

В пределах последней могли использоваться деревянные палочки, кости животных, веревки, кольца, самодельные мячи, тряпичные куклы и проч.: *Игрушек-то откуда было взять? Куделю брали, да тряпков – свяжешь, вот тебе и кукла!* (Кир. Борб.). В качестве приспособлений для игры информанты вспоминают различного рода качели (*Коля качелю-то на яблонь накинул, дак лето и качелись* (Кир. Борб.)) и санки: *Игорь плахинский и теперь чунки-то делает, робятам кататься дак больно добро!* (Кир. Борб.). Отличия в сложности инструментов и предметов наблюдаются в учебной деятельности.

Информанты акцентируют внимание на атрибутах, связанных со школьным периодом детства. В первую очередь это необходимые для учеников принадлежности: *Чернильницы были непроливайки, а пишем-то худо, упитраёмсё, пальцы в чернилах все!* (Кир. Борб.). Кроме того, информанты часто вспоминают еду, которой их кормили в школе. Питание во время голодного детства было не меньшим поводом идти в школу, чем получение знаний: *Техничка ци варила, кашу, дак перемена начинётся – все бегут: «Тёта Катя, дай!»* (Кир. Борб.).

В качестве объектов трудовой деятельности информанты называют предметы, на которые направлено действие (косить *траву*, возить *лес*, боронить *землю* и др.), а также орудия труда (убирали навоз *вилами*, возили сено *на лошаде в волокушах* и др.) и номинации результатов работы (метать *стог*, складывать *поленницу* и проч.). Достаточно редко в нашем материале называется специальная одежда или обувь (надевать при дойке коровы *передник*, использовать во время рыбной ловли высокие сапоги – *бродни*, для работы в лесу применять *надергушки* – специальные холщовые рукавицы, надеваемые поверх основных теплых) – вероятно, это обусловлено универсальностью повседневной одежды крестьянина, в которой можно было выполнять самые разнообразные виды работы.

Более многогранна ситуация прекращения бытия. Если рассматривать фазу болезни как предпосылку к уходу из жизни, то в объектной сфере информанты акцентируют внимание на атрибуте врачевания (лекарственные снадобья и приспособления) и – при неблагоприятном исходе – погребения ребенка и описания его загробной жизни. Одной из ярких иллюстраций подобного рода можно считать рассказ о сне, зафиксированный Н. Н. Зубовой со слов ее бабушки Н. Д. Шиловской, 1938 г. р., уроженки Никольского района Вологодской области. В этом сне информант совершает путешествие в загробный мир, встречается с двумя своими не рожденными вследствие выкидышей детьми. Их говорящий представляет малышами (*Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там...*), идущими с ней под руку (*Я, говорит, взяла своих ребятишек: одново на одну руку, другова на другую. И*

пошла), но способными, достигнув определенного предела перемещения в загробном мире, превращаться в голубей (*фторые двери <...> стала проходить, они <...> у меня голупкам зделались*)¹. Помимо голубей как ангельских птиц в диалектном материале встречается указание на яблоки как райскую пищу для крещеных младенцев.

Наконец, горизонталь слота «Пространственная детерминация» в цепи от возникновения бытия до его прекращения, как следует из названия, опирается на осмысляемую континуумом реализацию той или иной деятельности. При рождении характеристики появления на свет ребенка в крестьянской семье были куда более стихийны, чем в современной культуре: рожали в *бане, избе, поле, медпункте, больнице* и проч. в один из дней обыденной крестьянской жизни: *Дома опрастывались, куда ж ехать – работать надо!* (Межд. Кожух.). Обстоятельства крещения во многом зависели от политической ситуации в деревне: информанты, родившиеся в начале XX в., чаще описывают «правильное» крещение в церкви или в часовне, а те, чье рождение приходится на середину XX в., обычно вспоминают дом или двор кого-то из односельчан или родственников. Время совершения ритуала зависело от физического состояния ребенка и от различного рода внешних обстоятельств, которые могли бы помешать совершению обряда. Выбор имени для младенца мог быть связан с церковным календарем (*Я когда родился, дак был Никола зимний, вот и назвали Николаем* (Кир. Борб.)) или другими причинами (*Имя тогда было модное – Нина. У мамашки уж была одна Нина, померла, дак она старшую Галину сестру всё равно Ниной назвала* (Кир. Борб.)). При описании физиологической деятельности в устной речи вологодских крестьян отмечается четко закрепленная пространственно-временная регламентация действий, связанных с уходом за младенцами, а также обусловленность их характеристик биологической целесообразностью совершения тех или иных действий в данное время и социальной закрепленностью функций ухода за детьми.

Игра также имеет свои четкие, но подвижные границы. По мере взросления ребенка пространство его игровой деятельности расширяется от колыбели до всей освоенной деревенским социумом местности, а время, отводимое на игру, сокращается, совмещаясь с учебной и трудовой деятельностью: *Я с сорок первого года, дак тут уж какие игры-то! В колхозе работали, как подросли, матке помогли, да в Феропонтово бегали учиться. Играли, конечно, но не как топерёшние лбы!* (Кир. Борб.). Подобное сочетание обуславливает специфику остальных ситуаций.

В пространственном отношении учебная деятельность имеет два центра: обучение грамоте происходило в *школе* (обычно в соседней деревне или в городе), а трудовое (и социальное) обучение осуществлялось в родной деревне, *дома: В Феропонтове робята зиму-то жили, на квартире, от понедельника до пятницы. А домой летом придут – дак тут своя учёба, с дедушкой корьё драсть да корзины плести, да сенокос, да мало ли ешио в деревне дел?* (Кир. Борб.). Временные параметры ситуации находят отражение в заметной краткости школьного обучения грамоте (до *четырёх лет* в начальной школе и преимущественно до *семи* в средней). По мнению

¹ Зубова Н. Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2017. – С. 195–196.

наших информантов, получение достойного образования может способствовать обретению жизненного успеха и финансового благополучия. Вместе с тем практический опыт жителей северной деревни убеждает их в том, что одно лишь образование эту задачу не решит: оно может быть желанным дополнением к трудовым и социальным навыкам, которые ребенок получал в бытовой сфере, а это обуславливало биологическое выживание и достойное социальное положение.

По мере взросления детей пространственные границы их трудовой деятельности также расширяются от дома (помощь в воспитании младших детей, участие в домашнем труде, уходе за скотом, огородных работах и проч.) до тех границ, которые определяют сферу хозяйственных интересов семьи, родной деревни, школы, колхоза и т. д. Приобщать ребенка к труду начинали достаточно рано (в 7–10 лет): это было связано, с одной стороны, с бедственным социальным положением военной и послевоенной деревни на Русском Севере, а с другой – обусловлено традициями воспитания в крестьянской педагогике.

Наконец, при прекращении бытия все параметры ситуации обозначаются достаточно скупой: называют обычно возраст смерти детей и место их погребения. При этом сфера обусловленности трагического ухода из жизни характеризуется весьма подробно. В этот перечень входят и непростые условия быта, и неосторожное приобщение к тяжелому крестьянскому труду, и неосмотрительность взрослых, осуществляющих уход за ребенком, или самих детей во время работы или игры, а также воздействие враждебных сверхъестественных сил или расплата за грехи родителей.

Выводы

«Детство» как самостоятельный и объемный компонент в региональной картине мира является не одиночным концептом, а метаконцептом с разветвленной структурой. Предложенная нами модель позволяет выполнить реконструкцию этого ментального образования как «по вертикали» (каждая ситуация со своим фреймовым содержанием), так и «по горизонтали» (стабильность слотов во фреймах, в результате которой образуется единая, целостная линия связей в языковом сознании). Системность, а также эвристический (и шире – методологический) потенциал нашей разработки прослеживаются на примере выявленной в содержании слота «Субъект» некоторой конфигурации, которую мы условно обозначили в виде геометрических фигур (см. рис. 2).

Рис. 2. Горизонталь слота «Субъект»

На схеме треугольник во фрагменте фрейма «Возникновение бытия» включает: 1) женщину, 2) родившегося младенца, 3) помощников во время родов. «Квадрат» в ситуации крещения – 1) ребенок (Реб.), 2) биологические родители (Род.), 3) крестные родители (К.Р.), 4) совершающий обряд священник или заменяющее его лицо (условно «Свщ.» на рисунке выше). При этом одна из его сторон (дихотомия «мла-

денец – крестный родитель») в силу ритуальности оказывается культурно значимее иных отношений, в том числе и кровных. Сохраняется «квадрат» и в рассказах информантов о физиологической деятельности, где присутствуют: 1) ребенок, 2) родители, 3) родственники, 4) посторонние люди. Восстановление трехчастной структуры происходит в игровой (индивидуально-ролевая функция, командно-ролевая функция, другие участники игры) и учебной (дети, их сверстники, взрослые, осуществляющие обучающее воздействие) деятельности. Сдвиг к дихотомии фиксируется в описании приобщения к труду, где есть ребенок, приобретающий трудовые навыки, а также обучающие его взрослые. Близость человека к иной онтологии при прекращении бытия восстанавливает трехчастную структуру, вводя infernalных участников события. Субъектами выступают: 1) дети, 2) близкие им люди, 3) некие антагонисты (реальные члены социума или сверхъестественные сущности / силы, воздействие которых приводит к прекращению бытия).

В перспективах дальнейших исследований – определить, чем является фиксируемое в виде геометрических фигур содержание на ортогональных схемах. Выступает ли оно в статусе «следа» «чувственных конкретов» (И. М. Сеченов), или же это перцептивный базис концептуализации действительности (Е. С. Кубрякова, Р. Escudero, V. Evans, M. Green), или же это «схваченная» ноэтическая конфигурация рефлексивной деятельности информантов (Э. Гуссерль, Г. И. Богин) – пока неясно. Очевидно, что все обозначенные выше вопросы требуют дальнейшего и тщательнейшего анализа как в русле лингвоперсонологии, так и в русле когнитивной диалектологии.

Литература

Берендеева М. С. Структурные особенности религиозной концептосферы: на материале концептов *жертвоприношение, молитва и подвиг*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск: [б. и.], 2015. – 26 с.

Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет: в 2 т. – Тверь: Тверской государственный университет, 2009. – Т. 1. – 254 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.

Бунчук Т. Н. Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / под редакцией Т. Н. Бунчук. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2008. – С. 27–36.

Власкина Т. Ю. Зоокод репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в донских говорах (архисема «способный к репродукции») // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 85–91.

Гирный А. В. Синергетическая модель концепта «жизнь»: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: [б. и.], 2011. – 19 с.

Зверева Ю. В. Наименования детей, образованные с помощью метафорического переноса, в пермских говорах. – URL: http://pspu.ru/upload/pages/8191/Metaforicheskiy_perenos_v_nazvanijah_detej.pdf (дата обращения: 11.05.2020).

Зубова Н. Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2017. – 206 с.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Издательство Томского университета, 2002. – 312 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: ГНОЗИС, 2004. – 390 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: ЛКИ; УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

Коконова А. Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2011. – 26 с.

Комиссарова Т. Г. Детство в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – 211 с.

Костромичева М. А. Этапы становления ребенка: особенности именования в говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 1. – С. 76–78.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка. Серия «Концептуальные исследования» / под редакцией М. В. Пименовой. – Кемерово: Графика, 2003. – Вып. 2. – С. 6–17.

Седойкина Ю. В. Семантика наименований детей в брянских говорах // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: материалы межгосударственной научной конференции, приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде (Брянск, 05–08 июля 2010 г.) / под редакцией А. В. Антюхова. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2010. – С. 129–133.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006.

Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / под редакцией Л. Ю. Зориной. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2017. – 604 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: [б. и.], 2004. – 39 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – Москва: Академический проект, 2004. – 982 с.

Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис. ... канд. филол. наук. – Томск: Позитив-НБ, 2014. – 164 с.

References

Berendeeva M. S. *Strukturnye osobennosti religioznoi kontseptosfery: na materiale kontseptov zhtvoprinoshenie, molitva i podvig* [Structural features of the religious concept sphere: on the basis of concepts “sacrifice”, “prayer” and “feat”: abstract PhD thesis in Philology]. Novosibirsk, 2015. 26 p.

Bogin G. I. *Obretenie sposobnosti ponimat': raboty raznykh let* [Gaining the ability to understand: works of different years: in 2 volumes]. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2009, vol. 1. 156 p.

Boldyrev N. N. *Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2014. 236 p.

Bunchuk T. N. *Iazykovoe vyrazhenie predstavlenii o rozhdenii rebenka v ust'-tsilemskoi narodnoi kul'ture* [The linguistic expression of ideas about the birth of a child in Ust-Tsilem folk culture].

Deti i detstvo v narodnoi kul'ture Ust'-Tsil'my: issledovaniia i materialy [Children and childhood in the folk culture of Ust-Tsilma: research and materials; ed. by T. N. Bunchuk]. Syktyvkar: Syktyvkar'skii gosudarstvennyi universitet, 2008, pp. 27–36.

Vlaskina T. Iu. Zookod reproduktivnoi sfery zhiznedeiatel'nosti cheloveka v donskikh govorakh (arkhisema “spособnyi k reproduksii”) [Zoocode of the reproductive sphere of human life in Don dialects (archiseme “capable of reproduction”)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniia* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research]. St Petersburg: Nauka, 2003, pp. 85–91.

Girnyk A. V. *Sinergeticheskaia model' kontsepta “zhizn'”: eksperimental'noe issledovanie* [Synergetic model of the concept of “life”: an experimental study: abstract PhD thesis in Philology]. Tver, 2011. 19 p.

Zvereva Iu.V. *Naimenovaniia detei, obrazovannye s pomoshch'iu metaforicheskogo perenosa, v permskikh govorakh* [Names of children formed by metaphorical transfer in Perm dialects]. Available at: http://pspu.ru/upload/pages/8191/Metaforicheskij_perenos_v_nazvanijah_detej.pdf (accessed: 11.05.2020).

Zubova N. N. *Iazykovaia lichnost' zhitel'nitsy Russkogo Severa: opyt verbal'no-semanticheskogo, lingvokognitivnogo i pragmaticheskogo opisaniia* [The linguistic personality of a resident of the Russian North: the experience of verbal-semantic, linguocognitive and pragmatic description: PhD thesis in Philology]. Vologda, 2017. 206 p.

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoi iazykovoi lichnosti* [The phenomenon of dialect linguistic personality]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2002. 312 p.

Karasik V. I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: GNOZIS, 2004. 390 p.

Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language identity]. Moscow: LKI; URSS Editorial, 2010. 264 p.

Kokonova A. B. *Rozhdenie i smert' v prostranstve dialekta* [Birth and Death in the dialect space: abstract PhD thesis in Philology]. Moscow, 2011. 26 p.

Komissarova T. G. *Detstvo v iazykovoii kartine mira vologodskogo krest'ianina* [Childhood in the language picture of the world of the Vologda peasant: PhD thesis in Philology]. Vologda, 2019. 211 p.

Kostromicheva M. A. *Etapy stanovleniia rebenka: osobennosti imenovaniia v govorakh* [Stages of the child formation: nomination features in dialects]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: “Gumanitarnye i sotsial'nye nauki”* [Scientific notes of Oryol State University. Series: “Humanities and Social Sciences”], 2008, no. 1, pp. 76–78.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Problema modelirovaniia kontseptov v lingvokognitivnykh issledovaniiax* [The problem of modeling concepts in linguistic cognitive research]. *Mir cheloveka i mir iazyka. Seriya “Kontseptual'nye issledovaniia”* [The world of man and the world of language. Series “Conceptual research”; ed. by M. V. Pimenova]. Kemerovo: Grafika, 2003, iss. 2, pp. 6–16.

Sedoikina Iu. V. *Semantika naimenovaniia detei v brianskikh govorakh* [Semantics of children nominations in Bryansk dialects]. *Russkoe nasledie v stranakh vostochnoi i tsentral'noi Evropy: materialy mezhdgosudarstvennoi nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 600-letiiu bitvy pri Griunval'de (Briansk, 05–08 iuliia 2010 g.)* [Russian Heritage in Eastern and Central European Countries: Proceedings of interstate scientific conference to mark 600 anniversary of the battle of Grunwald (Bryansk, 05–08 July 2010); ed. by A. V. Antiukhov]. Bryansk: Brianskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo, 2010, pp. 129–133.

Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12 [Dictionary of Vologda dialects. Volumes 1–12; ed. by T. G. Panikarovskaia]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1983–2006.

Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsii v Si-amzhenskii raion Vologodskoi oblasti) [Dictionary of the Vologda Rezh dialect (based on materials of dialectological expeditions to the Syamzhensky district of the Vologda region); ed. by L. Iu. Zorina]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 604 p.

Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic and cultural concepts and metaconcepts: abstract Dr. thesis in Philology]. Volgograd, 2004. 39 p.

Stepanov Iu. S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004. 982 p.

Ugriumova M. M. *Lingvokul'turologicheskii portret rebenka v govorakh Srednego Priob'ia* [Linguoculturological portrait of a child in dialects of the Middle Ob region: PhD thesis in Philology]. Tomsk: Pozitiv-NB, 2014. 164 p.

Для цитирования: Ильина Е. Н., Загуменнов А. В., Комиссарова Т. Г. Параметрическая модель метаконцепта «Детство» (на материале вологодских говоров) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 4 (97). – С. 119–136. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-11

For citation: Ilyina E. N., Zagumennov A. V., Komissarova T. G. Parametric model of meta-concept “Childhood” (based on Vologda dialects). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 4 (97), pp. 119–136. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-11